

— Я слышал, что он первый учёный! — Сяо Юй быстро взглянул на отца и тихо пробормотал. — Но непонятно, зачем его послали в эту глушь.

Сян Юань снова рассмеялся.

Честно говоря, он тоже не хотел! Но сейчас, будучи маленькой рыбкой, попавшей в переделку, он мог только подчиняться приказам, иначе маленькие рыбки гибнут постоянно, это нормально.

Сяо Доу и Сун Да вернулись с сухим пайком, и Сян Юань, поняв, что больше ничего не узнает, хотел увести людей. Однако небо внезапно потемнело, и вскоре поднялся ветер, который вместе с тучами за считанные минуты превратил день в ночь.

Старосте ничего не оставалось, как пригласить этих явно богатых господ в дом. Он также велел жене принести запасённой красной сахарницы и приготовил четыре чашки сладкой воды для Сян Юаня и его спутников.

Сяо Доу, наблюдая, как они достают сахар из шкафа и осторожно готовят, ожидал чего-то вкусного, но в итоге увидел, что это всего лишь сладкая вода, и его настроение стало сложным.

До того как он стал слугой, жизнь Сяо Доу была нелёгкой, и если бы не опыт работы книжным мальчиком в богатой семье и нынешняя жизнь с господином Сян, он бы тоже считал сладкую воду чем-то особенным. Но сейчас, глядя на дрожащие руки старухи, подающей эту воду, Сяо Доу почувствовал непонятное напряжение.

Как хорошо было бы, если бы все могли жить лучше!

Снаружи раздался стук в дверь, и затем послышался голос:

— Дядя староста, вы дома? Это я, Ли Гуайцзы из Шанвацзы, отец А-Ци.

Староста быстро посмотрел на Сяо Юя и, увидев, что тот тоже в недоумении, положил трубку и пошёл открывать дверь.

Снаружи ветер стих, но через мгновение хлынул ливень. Староста ввёл гостей в дом, при этом сам промок до половины плеча.

— А-Ци, давай, как мы договаривались?

Сян Юань посмотрел и увидел, что мужчина средних лет, представившийся Ли Гуайцзы, подталкивал молодого человека лет семнадцати-восемнадцати, мужчину, чтобы тот заговорил.

А-Ци всё ещё был немного недоволен, но, вспомнив слова отца, наконец с неохотой извинился.

— Дядя, я избил Сяо Юя, это моя вина, я тут приношу свои извинения.

— Да, да, А-Ци слишком вспыльчив, совсем не похож на мужчину. Дядя, не сердись, пусть твоя жена приготовит эту рыбу.

Ли Гуайцзы улыбался во весь рот, услужливо протягивая большую рыбу, связанную верёвкой.

— Что это? Нет, нет, Сяо Юй сказал, что это не вина А-Ци, он сам был неосторожен. Рыбу забирайте обратно.

— Сяо Юй слаб здоровьем, не то что А-Ци, который силён, как бык, совсем не похож на мужчину. Дядя, пусть жена приготовит рыбу, чтобы Сяо Юй поправился.

Лицо старосты потемнело, а Сяо Юй, который, услышав, что пришёл А-Ци, несмотря на боль, хотел выйти ему навстречу, тоже помрачнел.

Мужчине тяжело слышать, что его сравнивают с женщиной и называют слабым!

Сяо Юй почувствовал, что настроение ухудшается, но худшее было ещё впереди.

— Дядя, я подумал, и Сяо Юю лучше не ходить ко мне. Ведь я мужчина, а он, хоть и младше, но всё же мужчина, это неудобно.

Староста посмотрел на своего младшего сына, который был ниже А-Ци на голову и выглядел хрупким, и тихо вздохнул. Он уже хотел согласиться, но тут Сяо Юй закричал.

— Нет, я не согласен! В Шанвацзы столько парней, которые учатся у тебя, почему я не могу?

— Они мои братья, а ты кто?

А-Ци без колебаний парировал.

Сян Юань и Чжао Шэнь с интересом наблюдали за этим.

— Этот А-Ци немного похож на тебя.

Сян Юань тихо сжал руку Чжао Шэня. Чжао Шэнь посмотрел на него с укором, а затем снова на А-Ци. С густыми бровями, большими глазами и крепким телосложением он действительно

был похож на него, не как на мужчину.

Чжао Шэнь тоже засмеялся.

Тем временем Сяо Юй и А-Ци продолжали спорить о том, сможет ли Сяо Юй учиться торговле. Ли Гуайцзы вошёл в дом вместе со старостой, говоря по пути:

— Мой брат узнал, что новый начальник уезда — это новый первый учёный этого года, и он, говорят, тоже не из знатной семьи. Эх, боюсь...

Он не закончил, так как староста резко кашлянул, прерывая его. Ли Гуайцзы удивлённо посмотрел на него и, увидев, что лицо старосты напряжено, повернулся к комнате, где сидели Сян Юань и его спутники, потягивая сладкую воду. Ли Гуайцзы сразу почувствовал себя неловко. Эти люди явно были из богатой семьи. Одна только их одежда, если перевести в медные монеты или серебро, вероятно, хватило бы на год жизни для всей семьи.

Ли Гуайцзы хотел обсудить с старостой новости о новом начальнике уезда, но, увидев посторонних, замолчал.

Чжао Шэнь, который с интересом слушал, не удержался и спросил:

— Что вы говорили о новом начальнике уезда? Чего вы боитесь?

Ли Гуайцзы изменился в лице и не решался говорить. Староста тоже напрягся, боясь, что эти люди, которые выглядели опасными, могут быть связаны с уездной управой.

— Новый начальник уезда, как и начальник Цуй, тоже из бедной семьи? Вы боитесь, что он, как и начальник Цуй, запретит торговлю?

Сяо Доу, хотя и был молод, обладал живым умом и, связав предыдущие разговоры, сразу нашёл ключевой вопрос, задав его прямо.

Лицо старосты и Ли Гуайцзы застыло, и они не решились ответить. Однако это было неважно, Сян Юань уже получил ответ из их поведения.

По одной деревне Лицзясявацзы можно было судить о состоянии всего уезда Цюйчжоу.

Отдалённый, отсталый, бедный, безразличный.

Предстоит долгий и трудный путь!

А-Ци и Сяо Юй, поспорив снаружи, наконец пришли к какому-то соглашению, но, войдя в дом, Сяо Юй выглядел не очень довольным.

Сян Юань надел свою дружелюбную улыбку и начал расспрашивать А-Ци. А-Ци, хотя и был насторожен, но из-за своей неопытности и жизни в глуши, быстро раскрыл информацию, которую он слышал от своего родственника в уездной управе.

Из-за запрета начальника Цуй на торговлю и строгого контроля над магазинами и торговлей весь коммерческий сектор Цюйчжоу год за годом приходил в упадок. Многие приезжие торговцы, столкнувшись с множеством препятствий и контролем в Цюйчжоу, больше не хотели возвращаться. Местные магазины знатных семей тоже подвергались давлению, налоги, которые начальник Цуй взимал с торговцев, были не только высокими, но и многочисленными, и многие знатные семьи в конце концов были вынуждены закрыть большинство своих магазинов, оставив только самые прибыльные. Начальник Цуй также призывал людей жить за счёт земли, усердно трудиться и не заниматься торговлей.

Вначале жители Цюйчжоу действительно были рады. Хотя не все знатные семьи были плохими, некоторые из них были жадными и пользовались своим положением. Когда начальник Цуй начал наводить порядок, большинство магазинов знатных семей закрылось, и они были заняты борьбой с начальником, поэтому у них не было времени притеснять простых людей. Однако со временем недостатки такого подхода стали очевидны. Без торговой деятельности весь уезд Цюйчжоу становился всё беднее, люди работали целый год, но едва могли прокормить себя, и у них не было денег на образование или другие дела. Некоторые, кто видел дальше, начали понимать, что что-то не так, но не осмеливались открыто сопротивляться, только тайком занимались мелкой торговлей, одновременно опасаясь проверок и доносов, что было крайне тяжело.

А-Ци был одним из таких людей.

А то, чему он учил Сяо Юя и своих братьев, было лишь простым умением считать, которое он с трудом освоил у своего родственника.

— Ты даже не умеешь писать, как ты ведёшь учёт?

Сяо Доу смотрел на А-Ци с любопытством.

— У меня свой способ.

А-Ци не хотел говорить.

Его собственный метод ведения учёта был секретом, и именно благодаря этому он мог заставить своих братьев слушаться его. Как он мог просто рассказать об этом!

Сяо Доу смутился и пожал плечами.

Когда Сян Юань спросил А-Ци, что он может помочь продать, староста и Ли Гуайцзы, напряжённо слушавшие их разговор, поспешили ответить.

— Он ещё ребёнок, что он может продать? Только лесные продукты и овощи из сада, вот и всё.

— А-Ци просто помогает деревенским продавать лишние овощи, у него нет больших способностей.

Чжао Шэнь посмотрел на молчаливого А-Ци, взволнованных Ли Гуайцзы и старосту, а затем на улыбающегося Сян Юаня, и его беспокойство снова всплыло на поверхность. Внезапно настроение стало очень плохим.

Цюйчжоу — не лучшее место!

<http://bllate.org/book/15532/1381108>